

RU

Традиционные представления о собаке по данным русской паремиологии

Черемных Ю. А., Шенкман В. И.

Аннотация. Цель исследования – на материале «Пословиц русского народа» В. И. Даля установить традиционные представления о собаке, сформировавшиеся в русской лингвокультуре. В статье выявляются разноаспектные характеристики животного (внешний вид, поведенческие особенности, взаимоотношения человека и собаки, сравнение собаки с другими животными и др.), послужившие источником народных изречений о собаке, осуществляется лексико-семантический и количественный анализ номинаций животного, дается толкование прямого и переносного смысла паремий. Научная новизна работы заключается в том, что в ней на материале proverbialных текстов, в том числе не изученных ранее загадок, реконструируется сформировавшийся к середине XIX в. образ собаки, отражающий восприятие животного в коллективном сознании русского народа. Признаки собаки классифицируются по трем аспектам: 1) собака как домашнее животное; 2) собака и человек; 3) собака и другие животные. Паремиологические единицы интерпретируются в качестве когнитивных структур, содержащих свернутую информацию о явлении действительности. В результате доказано, что лингвокогнитивная интерпретация фольклорных текстов малого жанра позволяет воссоздать отсылительно целостный образ собаки как определенный фрагмент русской языковой картины мира.

EN

Traditional perception of the dog according to Russian paremiology

Cheremnykh Y. A., Shenkman V. I.

Abstract. The aim of the research is to establish the traditional perceptions of the dog in Russian linguaculture, using the material from V. I. Dal's 'Proverbs of the Russian People'. The article identifies various characteristics of the animal (appearance, behavioral traits, human-dog relationships, comparison of dogs with other animals, etc.) that served as sources for folk sayings about dogs. It conducts a lexical-semantic and quantitative analysis of animal nominations, interprets the literal and metaphorical meanings of proverbs. The scientific novelty of the work lies in the reconstruction of the mid-19th-century image of the dog based on proverbial texts, including previously unstudied riddles, reflecting the perception of the animal in the collective consciousness of the Russian people. Dog features are classified into three aspects: 1) the dog as a domestic animal; 2) the dog and humans; 3) the dog and other animals. Proverbial units are interpreted as cognitive structures containing condensed information about the phenomenon of reality. The study proves that the linguo-cognitive interpretation of folklore texts of small genres allows for the reconstruction of a relatively complete image of the dog as a specific fragment of the Russian linguistic worldview.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена активным развитием когнитивной лингвистики, в рамках которой изучаются структуры представления знания, в том числе зафиксированного в паремиологии языкового сообщества. Н. Ф. Алефиренко указывает, что «векторы исследования когнитивной структуры паремий – схемы репрезентации предметно-чувственного опыта в их смысловом содержании – могут быть двунаправленными. В центре внимания **первого направления** находится индивид, постигающий мир, или языковая личность <...>. В фокусе исследований, осуществляемых в рамках **второго направления**, находятся когнитивные структуры, ретроспективно восстанавливаемые на основе анализа дискурса, в рамках которого они вербализуются. При этом становится более доступной национально-культурная специфика репрезентации действительности proverbialными единицами того или иного языка. Обнаруживается общее и особенное в способах и средствах proverbialной концептуализации в разных языках, моделируются отдельные фрагменты языковой картины мира» (2008, с. 327).

Предметом изучения в данной статье являются многообразные народные представления о собаке, репрезентированные в русском паремиологическом дискурсе.

Научная литература, в которой рассматриваются культурологические, мифологические, фольклористические, кинологические и другие вопросы, связанные с собакой, весьма обширна. В области лингвистики наиболее авторитетным исследователем фольклорных текстов малых жанров, в которых упоминается животное, является В. М. Мокиенко. В частности, в работе (Мокиенко, 2003) содержится анализ этимологии слова *собака*; выявляются его переносные значения и коннотации, репрезентированные в славянской паремиологии и идиоматике; в сопоставительном плане описываются мифологические представления о собаке в разных лингвокультурах. Особое внимание автор уделяет изучению бранных коннотаций, в основу которых положено презрительное отношение восточнославянских народов к животному.

Специальному изучению мифологических корней народных представлений о собаке посвящены работы Б. А. Успенского (1994), идеи которого развивает, в частности, А. М. Архангельская (2020).

В рамках темы данной статьи следует также обратить внимание на исследование К. Олех, которая приводит обширный перечень «семантических полей», выявленных в пословицах с компонентом *собака* (Olech, 2021). К сожалению, автор не объясняет, на каком основании выделены поля и как их следует интерпретировать в контексте пословиц – как номинации признаков животного или как метафорические номинации признаков людей. Что касается нашей работы, мы по крупницам извлекаем из паремий, собранных В. И. Далем, информацию, которая бы позволила в конечном счете реконструировать целостный образ собаки именно как животного. Например, пословицу *Свои собаки грызутся – чужая не лезь* К. Олех относит к семантическому полю «вмешательство», в то время как для нас важно, что в этой пословице отражаются наблюдения фольклорноносителей за поведением собак.

Подчеркнем, что в работах по лингвокультурологии и компаративистике полно отражены метафорические и мифологические аспекты репрезентации собаки в русской паремиологии. В то же время вряд ли можно согласиться с тем, что тема репрезентации представлений о собаке как таковой, т. е. одомашненном животном, является исчерпанной, особенно в связи с активным развитием когнитивной лингвистики. Именно в рамках этого научного направления в настоящей статье получают развитие идеи предшественников. Наш угол зрения на поставленную проблему определяется тем, что совокупность сведений о собаке дает возможность воссоздать ее целостный образ, сформировавшийся в коллективном народном сознании к середине XIX в. Попутно отметим, что выводы о традиционном восприятии собаки подтверждаются не только пословицами, поговорками и поверьями из сборника В. И. Даля, проанализированными В. М. Мокиенко и другими исследователями, но и загадками, которые до сих пор оставались вне поля зрения лингвистов. Кроме того, в нашей работе образ собаки дополняется детализированным описанием ее внешнего вида, повадок, взаимоотношений с человеком и другими животными. Эти аспекты репрезентации собаки в провербиальных текстах еще не были предметом специального лингвокогнитивного изучения.

Полученные результаты значимы для понимания языковой и экстралингвистической природы различных феноменов действительности. Знания о собаке, в «свернутом» виде содержащиеся в лаконичных фольклорных текстах малых жанров, относятся к «феноменологическим когнитивным структурам» (Красных, 2003, с. 64). «Развертывание» таких структур посредством лингвокогнитивной интерпретации паремиологических единиц позволяет изучить способы кодирования, хранения и передачи информации, что отвечает актуальным потребностям современного языкознания.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) установить состав паремиологических единиц, в которых содержится прямая или косвенная информация о собаке;
- 2) выявить аспекты репрезентации собаки в русской паремиологии;
- 3) описать стереотипные народные представления о собаке, отражающие русское языковое сознание середины XIX века.

Материалом исследования послужили 473 провербиальные единицы, отобранные методом направленной выборки из сборника В. И. Даля «Пословицы русского народа», который был завершен в 1853 г. и опубликован в 1862 г. (Даль В. И. Пословицы русского народа. <https://vdahl.ru/>). Кроме того, в качестве дополнительно материала были использованы следующие словари:

- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. <https://dic.academic.ru/contents.nsf/enc2p/> (далее – ТСЖВЯ).

- Крылатые слова. Не спроста и не спуста слово молвится и довеку не сломится / по толкованию С. Максимова. Изд-е 2-е. 1899. https://dslov.ru/txt/29/t29_39.htm.

Поскольку В. И. Даль собирал абсолютно все функционирующие в речи провербиальные единицы, считаем важным оговорить следующие моменты: 1) в данном сборнике зафиксированы не только пословицы (как указано в заголовке), но и другие малые жанры русского фольклора (в терминологии самого собирателя – *загадки, приметы, суеверия, приговорки, прибаутки*); 2) степень распространенности тех или иных изречений собственно в «народе» может значительно варьироваться; 3) среди собранных пословиц встречаются заимствованные. Например, пословица *Живая собака лучше мертвого льва* обязана своим происхождением Библии и имеет соответствующие эквиваленты в других языках: *Canis vivus melior est leone mortuo* (лат.); *Chien envie (chien vivant) vaut mieux que lion mort* (франц.); *Alive (living) dog is better than a dead lion* (англ.). Заимствованными

являются и некоторые другие пословицы, хотя пометой, указывающей на происхождение, сопровождается только одна из них: *Знают его, что пеструю собаку (переводная с немецкого)*.

Некоторые из рассматриваемых паремиологических единиц сохраняют актуальность до настоящего времени, входят в активный или пассивный запас современного носителя русского языка, например: *Маленька[я] собачка до старости щенок; Живут как собака с кошкой; Как псу под хвост (без пользы)*. Другие паремии не являются сегодня широко употребительными, однако их смысл может быть реконструирован благодаря тому, что В. И. Даль использует тематический принцип составления сборника, а также благодаря прозрачной «внутренней форме» паремий. Например, поговорка *Попала собаке блоха на зуб*, помещенная в тематическую группу «ГОРЕ – БЕДА», иносказательно характеризует чье-либо опасное положение.

В данной статье основное внимание уделяется не столько анализу содержания народных изречений и интерпретации их метафорического смысла, сколько тем многообразным народным представлениям о собаке, которые в давние времена послужили источником для формирования этих изречений. Так, в приведенном выше примере зафиксирован результат визуального наблюдения за собакой, ловащей блох, и, следовательно, представление о том, что собаки имеют блох. В других случаях на первом плане оказываются иные характерные детали. В результате анализа совокупности типичных народных представлений, объективированных в паремиях, можно составить относительно целостный образ собаки, сформировавшийся в народном сознании. Как отмечалось выше, такой подход к изучению паремий соответствует одному из направлений современной когнитивной лингвистики.

Выбор методов исследования обусловлен целью и совокупностью поставленных задач. Прежде всего для отбора материала использовался метод направленной выборки из сборника пословиц русского народа В. И. Даля. Сравнительно-сопоставительный метод позволил выявить признаки собаки, важные для фольклорносителей, с тем чтобы в дальнейшем осуществить семантическую и аксиологическую классификацию паремий. В качестве метода также используется контекстуальный анализ, поскольку при рассмотрении характеристик собаки интерпретируется контекст. Описательно-аналитический метод дает возможность описать материал и реконструировать образ собаки, созданный в фольклорных текстах малых жанров. Кроме этого, в работе применен количественный метод для установления частотности номинаций животного.

Теоретической базой исследования послужили труды Н. Ф. Алефиренко (2008), В. В. Красных (2003), З. Д. Поповой и И. А. Стернина (2007), посвященные проблемам когнитивной лингвистики, концептологии и лингвокультурологии. Так, по мнению Н. Ф. Алефиренко, изучение провербиального дискурса, отражающего менталитет и традиции народа, позволяет выявить специфику восприятия, познания и интерпретации действительности, а также особенности ее отражения в языковой картине мира. Идея В. В. Красных о когнитивных структурах определяет новый подход к интерпретации паремии как носителя неочевидного, неявного для современного человека знания, важного для понимания национального менталитета, претерпевающего изменения на протяжении времени. Ценность совместных трудов З. Д. Поповой и И. А. Стернина как теоретиков изучения концептов связана с методологической стороной когнитивно-лингвистического исследования языка и речи.

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты лингвокогнитивного анализа представлений о собаке, зафиксированных в русских пословицах, поговорках, загадках и других малых жанрах русского фольклора, могут быть использованы в вузовской учебной деятельности в курсах лексикологии, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, а также в практике преподавания русского языка и литературы в школе.

Обсуждение и результаты

Рассмотрим языковую репрезентацию собаки в русской паремиологии.

Лексико-семантический и количественный анализ собранных В. И. Далем паремий показывает следующее.

1. Большая часть паремий содержит лексему *собака* (334), которая выступает гиперонимом к синонимическому ряду, не имеет коннотаций и является нейтральной по стилистической окраске. Менее распространенные номинации: *пес* (46), *собачка* (17), *кобель* (10), *щенок/щенки* (7), *щеня/щенята* (6), *борзая / борзые / борзой кобель / борзые собаки* (5), *сука* (4), *жучка* (2), *Боска* (1) [в прибаутке: *Боску съели. Боска, Боска, на тебе костку* (кличка собаки)], *волкодав* (1), *выжлец* [ищейная, гончая собака] (1), *дворняжка* (1), *кобелиха* (1), *людоед* [полагаем, что в пословице *Волкодав – прав; а людоед – нет* слово *людоед* также относится к собаке] (1), *пудель* (1), *сучка* (1), *хорт* [борзая собака, ловчая, для травли] (1) (ТСЖВЯ).

На основании приведенных номинаций можно сделать вывод, что для традиционного народного сознания в целом не характерна детализация представлений о собаках по породам, полу, возрасту, другим отличительным признакам, поскольку в большинстве случаев используется нейтральная номинация. В то же время в статье «СОБАКА» в своем толковом словаре В. И. Даль приводит обширный перечень пород: *водолаз, датская, меделянка, овчарка (чабанья), дворняжка, шавка, бульдог, мордашка, моська, камчатская, борзая (псовая, хорт, крымка и пр.), левретка, волкодав, гончая, сачейная, осочальная, духовая (ищейка, выжлок), лягавая, брусбарт, пудель, барсучка (криволапка), шпиц, болонка, турецкая (голая)* и пр. (ТСЖВЯ).

2. В ряде пословиц использованы производные образования: *собачий* (21), *песий* (5) [в том числе *песья трава* – народное название растения *Dactylis glomerata*], *псовый* (3), *псиний* (1); *псина* [о запахе] (4), *псарня* (1); *сукин сын* [см., например: *Ей щенка, вишь, да чтоб не сукин сын* в разделе «Причуда»] (2), *псарный охотник* (1).

3. В отдельных паремиях слова *собака* и *пес* употреблены в качестве зоосемизмов, т. е. в переносном оценочном значении для негативной характеристики человека, например: *Лучше бы у собаки татарина жена*

померла, чем у меня (у него две) [в значении 'иноверец']; Званный – гость, а незванный – пес (не черт его нес) [ср.: Незванный гость хуже татарина]; Не для зятя-собаки, для милого дитяти (гов. тесть) [в значении 'плохой человек'].

4. Репрезентация собаки может происходить не только посредством прямой номинации, но и упоминанием характерных признаков животного (повадок, действий, издаваемых звуков, собачьих аксессуаров и др.): **Хвостом вертит, а за руки хватает**; **Руки лижет, а зубы на оскале**.

Далее обратимся к аспектам описания собаки в русской паремиологии. В соответствии с рекомендацией З. Д. Поповой и И. А. Стернина максимально подробно инвентаризировать паремии, «насколько это позволяют имеющиеся источники» (2007, с. 128), представим детализированный анализ следующих аспектов описания собаки в русских фольклорных текстах малого жанра: 1) собака как домашнее животное; 2) собака и человек; 3) собака и другие животные.

Наиболее полно **собака как домашнее животное** показана через ее внешний облик и поведенческие особенности.

Что касается внешнего облика собаки, в пословицах часто упоминается **шерсть**: *Каждая собака в своей шерсти ходит*; *По шерсти собачке кличка дана*; *С лихой собаки хоть шерсти клок*; *Чтоб собака не сбежала, вырвать из шеи клок шерсти* и др. Характерный признак собаки – наличие **блох**, которых она тщательно ищет: *С собакой ляжешь – с блохами встанешь*; *Ищи, как собака блох ищет (т. е. перебирай по шерстинке)*; *Собака и в собольей шубе блох ищет*.

Обращает на себя внимание тот факт, что в сборнике В. И. Даля доминируют собаки **черного** окраса: *Пошел черных кобелей набело перемывать*; *Два свояка, между их черная собака (чело, труба, дым)*; *Черненька собачка вокруг да вокруг (сковорода)*. Собаки других окрасов упоминаются в единичных случаях: *Черная собака, белая собака, а все один пес*; *Его все знают как рябую собаку*.

Из частей тела собаки особо выделяется **хвост**, по которому судят о ее состоянии: *У собаки думка в хвосте, у лошади в ушах*; *Пришить хвост, так настоящий пес*; *Отсеки собаке хвост – не будет овца*. Основные действия, которые собака совершает хвостом, – крутит им (выражает радость) или поджимает его (выражает страх): *Четыре четыреки, две растопырки, седьмой вертун (собака)*; *И куслива собака, да хвост поджимает*. Не случайно хвост фигурирует и в полном варианте известной идиомы: *Собаку съел, только хвостом подавился* [о версиях происхождения этого выражения см. работу (Леонтьева, 2017)].

В большом количестве паремий нашли отражение **звуки**, издаваемые собаками. Прежде всего собака по поводу и без повода лает (см. примеры ниже); реже встречаются упоминания о том, что собака воет: *Подушку под собой перевернуть – собака выть перестанет*; еще реже – рычит: *Собака и хлеба не съест, не порычав*.

Лай собаки обыгрывается в ряде загадок (в основе загадок, как правило, лежат какие-либо яркие признаки объекта, которые переносятся на загадываемый объект-денотат), в частности: 1) об инструменте для обработки льна (*мялице*): *С году на год собаки лают*; *Вяк, вяк, старая собачка без кишок*; 2) о детали мельничного жернова (*порхлице*): *Затопали кони в Кириловском поле, залаяла собачка на Муромском, заревел медведь на Ивановском (Романовском) (кони – мельничные песты; собачка – порхлица; медведь – жернов)*. Лай собаки на чужих людей упоминается в двух малых жанрах: 1) в приметах (как известно, в приметах отражаются наблюдения за регулярно повторяющимися связями между двумя явлениями), например: *Куда взлаяла собака, оттуда гости*; 2) в гаданиях (на жениха), например: *Полю, полю снежок, где мой женишок, там собака взлай*.

Нередко собака лает впустую (*брешет*), при этом на ее лай никто не обращает внимания, например: *Собака лает, ветер относит*; *Собака лает, а бары едут*; *Собаке и на свой хвост вольно брехать*. С лаем брехливой пустолайки сравниваются сплетни, пересуды, которые в народе подвергаются осуждению: *Об этом уже и собаки не лают*.

Как свидетельствует народная мудрость, собака, которая лает, не представляет такой опасности, как собака, которая не лает: *Не всяка собака кусает, котора лает*; *Не бойся собаки брехливой, а бойся молчаливой*. Если собака не лает попусту, она хороший сторож (*Добрый пес на ветер не лает*), если вообще не лает – плохой (*Молчан-собака не слуга во дворе*). Молчаливая собака в коллективном русском сознании ассоциируется с коварством и подлостью, поскольку может напасть на человека неожиданно: *Молчан-собака из-под подворотни хватает*; *Не говоря худого слова, да хватъ (о кусливой собаке, о драчуне)*.

В паремиях отмечается и такая характерная особенность собаки, как острый **нюх**, объективированная посредством метонимического переноса *собачий нос*. Однако этот признак не акцентируется в традиционных представлениях о собаке, поскольку В. И. Даль приводит лишь единичные пословицы, например: *Не собачий нос – не услышишь*; *То-то собачий нос: лишь чару на поднос, а его лукавый и принес*.

Малые фольклорные тексты повествуют о неприятном **запахе** собачьей шкуры (*воняет, несет*), причем, что любопытно, эта информация содержится в паремиях о других животных – козлах, см.: *Козла выжили, а все псиной воняет*. Попутно отметим, что, по мнению современных кинологов, причиной плохого запаха от собаки может быть грязная или мокрая шерсть, физиологические нарушения, наличие инфекций и др. (Чем мыть собаку, чтобы она не пахла псиной // Ветеринарная клиника #вДобрыеРуки. 16.04.2022. <https://goodhands.vet/blog/voprosy/chem-myut-sobaku-chtoby-ona-ne-pakhla-psinoj/>).

В пословицах и поговорках упоминаются **пищевые привычки** собак. Однако чаще всего собака представлена либо голодной: *Без ужина спать – собачья стая*; либо ненасытной, жадной до еды: *Сколько собаке ни хватать, а сытой не бывать*; *На собаку мяса не напасешься*; либо ценящей еду больше всего: *И пес перед хлебом смиряется*.

Судя по насмешливо-иронической тональности речений, вкусная и сытная еда часто оказывается для собаки недоступным предметом вожделения: *Купила бы собака печень, да купить нечем; Видит собака молоко, да в кувшине глубоко*. Обычно ей приходится довольствоваться объедками, остатками или случайно оброненной пищей: *Прочапил (пролил), так собаке корысть; У нашей хозяйки все в работе: и собаки посуду моют* [вылизывают остатки еды]; *Ешьте, дорогие гости: все одно будет (т. е. надо) собакам выкинуть*. Наблюдения над собакой, которая гложет кости, легли в основу нескольких загадок о горшке, например: *Молод был, людей кормил; стар стал, пеленаться стал; умер, мои кости негодящие бросили в ямку, и собаки не едят (горшок)*.

Голодная, непритязательная в еде собака, готовая съесть всё, кроме *голой кости и редьки*, в русских паремиях предстает символом крайней бедности: *С голодьябы и собака со двора сбежит*. Собака не ест лишь возле постели умирающего, словно чуя приближение смерти, см. примету: *Коли собака крох не ест подле больного, то он скоро умрет*.

Интересно, что, по народному поверью, в собаку был превращен человек за смертный грех чревоугодия, поэтому в одной из пословиц битье собаки осуждается: *Не бей собаки, и она была человеком (обращена во пса за прожорливость)* (Мокиенко, 2003).

Описание пищевого поведения собаки сопровождается упоминанием ее *нечистоплотности и всеядности*: *Не поваляв куска, собака не съест; На падаль и собака бежит*. По мнению наших предков, собака (как и кошка) – поганое животное: *Кто от собаки (после собаки) ест, у того горло распухнет; У кошки шерсть погана, а рыло чисто; у собаки рыло погано, а шерсть чиста*. Как видим, в последнем примере выражена прямо противоположная оценка кошки и собаки.

Помимо этого, собака наделяется и другой отрицательной чертой – *жадностью*, о чем свидетельствуют пословицы, размещенные В. И. Далем в соответствующем разделе сборника: *Захотел от кошки лепешки, от собаки блина; Собака на сене лежит, сама не ест и скотине не дает; Не вылакает собака реки, так всю ночь стоит над рекой да лает*.

Судя по материалу, наблюдения наших предков за поведением животного привели их к выводу, что собака большую часть времени проводит в *праздности*: *лежит, вертится, бесцельно бегаёт, ловит мух или блох, гоняется за своим хвостом и т. п.*: *Как собака мух ловит; Как ни вертись собака, а хвост позади; Не с работы тощакет, а от жиру бесится (собака)*. Типичные *позы* собаки легли в основу загадок, например: *В избе пирогом, а на дворе калачом (собака); Черненька собачка свернувшись лежит: не лаёт, не кусает, а в дом не пускает (замок)*.

Негативный образ собаки дополняется ее *агрессивностью*, особенно свойственной цепным псам: *Куслив был пес, да на цепь попал; В крутом буераке лютые (злые) собаки (улей)*. Не случайно в одном из проклятий упоминается собачий ошейник как метафора виселицы: *Пеньковый бы на тя ошейник*.

По народным представлениям, собаке свойственна затаенная *злоба, злопамятность*, которая в традиционной картине мира отождествляется с неискренностью, продажностью и коварством: *По бороде апостол, а по зубам собака; За собакой палка не пропадет (т. е. припомнит)*. Собаке нельзя доверять, потому что в любой момент она может наброситься на человека: *Собаку мани, а палку держи!; Левою рукою мосол кажи, в правою руку плеть держи!; Ближняя собака скорее укусит*.

В русских паремиях собаке также приписывается *глупость*: *Ус соминый, да разум псиный; Бешена собака и хозяина кусает* [пословица помещена В. И. Далем в раздел «УМ – ГЛУПОСТЬ»]. Эта оценка представлена и в пословицах о собаках-пустолайках (см. примеры выше). Заметим, что наши наблюдения не совпадают с выводом Н. И. Маругиной, по мнению которой «положительную коннотативную окраску в русской культуре содержат те пословицы, в которых образ собаки служит обозначением мудрости, большого ума, опыта, зрелости. К примеру: *Старую собаку не волком звать; Старую собаку не батькой звать; Попову собаку не батькой звать*. Долгая жизнь собаки, полная лишений и неустроенности, приводит к приобретению с годами мудрости, ума» (2009, с. 28). Вряд ли с этим мнением можно согласиться. Мы поддерживаем точку зрения современника В. И. Даля этнографа С. В. Максимова, написавшего первую энциклопедическую статью о знаменитом лексикографе и лично знакомого с ним. Важно, что в толкованиях пословиц С. В. Максимов опирается на комментарий самого В. И. Даля. Чтобы не исказить содержание комментария вышеупомянутых пословиц, приведем развернутую цитату: «*Старую собаку не волком звать*» – за то, что она устарела, негодна более, не считать ее за волка, не обходиться, как с врагом. <...> «*Старую собаку не батькой звать*» – не отцом: ответ на требование уважать старика не по заслугам: стар пес, да не отцом же его за это почитать. «*Попову собаку не батькой звать*»: ответ на требование уважения к людям случайным. Что ни толкуй об уважении к батьке, к попу, да пес его – не батька» (Крылатые слова..., 1899). Дополнительным аргументом в защиту этого толкования является то, что сам В. И. Даль включил приведенные пословицы не в раздел «УМ – ГЛУПОСТЬ», а в разделы «МОЛОДОСТЬ – СТАРОСТЬ» и «ЧЕСТЬ – ПОЧЕТ». К сказанному можно добавить, что в семантическую структуру зоометафоры *собака*, употребляемой в современной речи в качестве вербальной инвективы, также включена сема *'глупость'* (Звездина, Новоселова, 2017).

Содержание большей части паремий, в которых упоминается собака, объясняет мотивировку идиоматического выражения *собачья жизнь* ('тяжелая жизнь'), закономерным итогом которой является «собачья» же смерть. Эта диада получает метафорическое выражение в таких пословицах, как *Житье – хуже поповой собаки; Жил собакой, окошел псом; Смерть без покаяния – собачья смерть*.

Судя по исследованному материалу, коллективное сознание характеризуется целостностью. Об этом, в частности, свидетельствуют религиозные, метафизические представления древних фольклорноносителей,

вплетающиеся в их представления о собаке, например: *Скоромничают* [не соблюдают пост] *бары да собаки*; *Кто нюхает (или: курит) табак, тот хуже собак* [грех]; *Расползлись, как слепые щенята от матери (о раскольниках)* [отступление от веры]; *Черт (пес) ли нес на худой на мост* [отождествление собаки и черта].

Из полезных для человека качеств собаки отмечается ее способность предсказывать погоду, о чем свидетельствуют следующие приметы, помещенные В. И. Далем в разделе «ЗЕМЛЕДЕЛИЕ»: *Собака по снегу валяется – ко вьюге*; *Собака мало ест, много спит – к ненастью*; *Собака траву ест – к дождю*.

Как видим, в паремиях первой группы создается в целом малопривлекательный, хотя и не полностью отрицательный образ собаки, отражающий представления о животном, сформировавшиеся в коллективном русском сознании. Далее рассмотрим пословицы, поговорки и другие фольклорные тексты малых жанров, содержащие информацию о том, как в традиционной народной культуре репрезентируются **взаимоотношения человека и собаки**.

Сразу отметим, что современное восприятие собаки как «друга человека» встречается в пословицах весьма редко, см.: *Собака друг, а лошадь ворог*; *Собака человеку неизменный друг*. В основном отмечается подчиненное положение собаки по отношению к человеку, для которого она является утилитарным атрибутом – сторожем и слугой: *При верном псе и сторож спит*; *Стар пес, да верно служит*; *Собака умней бабы: на хозяина не лает (о брани)*. Вместе с тем отношение к собаке определяется отношением к ее хозяину: *По хозяину и собаке честь*; *Ружья, жены и собаки на поддержание не дают*; *Буде меня любишь, так и собаку мою не бей (люби)*. Пословицы, аналогичные последней, есть и в других языках, например в английском (*Love me, love my dog*) и французском (*Qui t'aime, aime ton chien*). По одной из версий, корни таких пословиц уходят в античность, о чем свидетельствует латинская пословица *Qui te amat, amat et canem tuum* (McLeod D. Love Me, Love My Dog – Idiom, Meaning and Origin // Grammarist. <https://grammarist.com/idiom/love-me-love-my-dog/>).

Судя по пословицам, типичные функции собаки – охранять дом и принимать участие в охоте. По-видимому, фольклорноносители не имели опыта взаимодействия с декоративными или пастушьими собаками (ср., например, упоминание шпица в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»: *Ваш шпиц, прелестный шпиц; не более наперстка; я гладил всё его; как шелковая шерстка!*). Что касается служебных собак, то в России активное развитие служебного собаководства началось лишь во второй половине XIX века (Иванов, Матиенко, Эриашвили, 2018, с. 227).

Образ собаки-охранника ярко представлен в загадках, например: *Четверо стелют, двое светят, один лежит, никого не пустит (собака)*; *Молчан-собака весь дом стережет (замок)*. Что касается охоты, обращает на себя внимание зафиксированная в паремиях социальная стратификация общества, осмысляемая простым человеком. Об этом свидетельствуют изречения, из которых следует, что породистые собаки и псарни принадлежат барину, см.: *Без индейского петуха, без борзого кобеля – не помещик*; *Первые щенята (борзые) царские, вторые барские, третьи псарские*. Весьма показательны, что «социальное расслоение» распространяется и на животных: *Барскому псу и мосол не мосол*.

Судя по материалу, в фольклорный образ собаки включены народные представления о ее верности и признательности хозяину за доброту и заботу: *И собака на того не лает, чей хлеб ест*; *И собака старое добро помнит*; *И собаку ласково примолвишь, так хвостом вертит (так не скоро укусит)*. Вместе с тем усилительная частица *и* в приведенных примерах (*и собака*) выражает снисходительное и даже пренебрежительное отношение народа как коллективного создателя фольклора к этому животному. Аналогичную оценку демонстрируют и другие пословицы с частицей *и*: *У суки щеня и то дитя*; *На чужбине и собака тоскует*; *Своя сторонюшка и собаке мила*.

По всей видимости, собака не занимала высокого места в иерархии ценностей наших предков. Это подтверждают пословицы и поговорки, в которых собаке уподобляются люди, занимающие самое низкое социальное положение (дворня, бурлаки, солдаты): *Мужичья кость собачьим мясом обросла (о дворне)*; *Собака, не тронь бурлака, бурлак сам собака*; *Цыц, собака, не съешь солдата: солдат сам собака*.

Отметим также фиксацию в паремиях жестокого обращения с животным: хозяин бьет собаку в целях наказания и «воспитания» (*Битому псу только плеть покажи*); прохожий – для защиты (*Одним камнем двух собак разогнал*); любой человек – от безделья (*Кнуты вьет да собак бьет* [рубрика «РАБОТА – ПРАЗДНОСТЬ»]). О том, что собака была обречена на битье, свидетельствуют и другие примеры: *Коли быть собаке битой, найдется и палка*; *Ждет, что пьяница сткляницу, что собака палицу*. Кроме того, собаку наказывают за вой: *Взвой собака на свою голову (если кто дурное скажет)*. Нетерпимое отношение к вою собаки объясняется суеверными народными представлениями, сохранившимися в следующих приметах: *Ночной собачий лай – к покойнику*; *Собачий вой – на вечный покой*; *Собака воет книзу (к земле) – к покойнику*; *кверху – к пожару*.

Вместе с тем можно говорить о типичной для фольклора амбивалентности представлений о явлениях действительности. Применительно к предмету нашего анализа это выражается, во-первых, в проявлении жалости человека к собаке как бесправному, забитому существу, см.: *Приведи бог и собачке свою конуру!*; *Смирную собаку и кочет бьет*; во-вторых, в попытке объяснить причины агрессивного поведения животного, см.: *Не дразни собаки, и лаять (или: кусать) не станет*; *Не тычь в подворотню, и собаки не залают*.

Как видим, в русской паремиологии, собранной В. И. Далем, репрезентированы отнюдь не дружеские взаимоотношения человека и собаки, участь которой представлена как весьма жалкая.

В провербиальных текстах получили выражение два типа **отношений собак с животными**: 1) одновидовое взаимодействие (собака – собака) и 2) межвидовое (собака – не собака).

В паремиях первого типа показана значимость для собачьей стаи дихотомии *свой – чужой*, см.: *Свои собаки гложись, а чужие не вяжись!*; *Не мешайся деревенская собака промеж городских!* Судя по материалу, для этих

животных характерно специфическое чувство собачьего «родства», проявляющееся в настороженности по отношению друг к другу, например: *И собака к собаке не подойдет, не обнюхав ее*. Даже в рамках одной стаи собаки настроены друг к другу весьма враждебно: *Попал в стаю, лай не лай, а хвостом виляй (а то заедят)*.

Не случайно в целом ряде пословиц негативные отношения собак в стае метафорически переносятся на отношения между родственниками (людьми, не связанными узами кровного родства, породнившимися через брак): *Свекровь [мать мужа] на печи, что собака на цепи; Деверья [братья мужа] впереди, что борзые кобели; Не зять [муж дочери] бы был, не чертом бы (не собакой) и слыл; И добрый сват – собаке брат [сват – родитель одного из супругов по отношению к родителям другого супруга]*. Упоминание собак в таких контекстах свидетельствует о неприязненных отношениях между членами породнившихся семей: *Два свояка, а промеж их собака [свояк – муж сестры жены]*. Показательно, что в русском традиционном сознании собака символизирует не только дальнего родственника, но и одного из супругов. В разделе «МУЖ – ЖЕНА» В. И. Даль приводит целый ряд подобных пословиц, см.: *Уж лаяла бы собака чужая, а не своя; Нет досадней, как своя же дворяжка на тебя лает*.

В отношении **межвидового** сопоставления собака, как правило, сравнивается с кошкой и волком, в единичных случаях – с другими животными, см.: *Лошадь от кошки сохнет, от собаки добрее (почему и не берут с собою кошки в дорогу); К собаке сзади подходи, к лошади спереди!; Полазчив пес, да и лиса хитра; Собака лает, соловей молчит*.

Противопоставление собаки кошке и волку является отражением древних славянских традиций: кошка с собакой, будучи парой домашних животных, образуют символическую параллель паре диких зверей – медведю и волку, причем кошка соотносится с медведем, а собака – с волком (Гура, 2019, с. 340). Символический смысл этого противопоставления сводится к следующему. Собака устойчивыми ассоциациями связана с мужчиной, поскольку она находится в традиционно «мужском» локусе (во дворе, на дороге, в поле), например: *Привыкла собака за возом бежать, бежит и за санями; Без собаки зайца не поймаешь*. Кошка же ассоциируется с женщиной, место обеих – в доме, см.: *Мужик да собака всегда на дворе, а баба да кошка завсегда в избе*.

В культурологических исследованиях отмечается, что крестьяне не пускали собаку в дом, поскольку она считалась «нечистым» животным (Архангельская, 2020; Евдокимычева, 2007). Однако собрание пословиц В. И. Даля содержит конкретное предписание, опровергающее столь широкое обобщение: *На Ильин день собак и кошек не пускают в избы*. На основании анализа ряда пословиц можно прийти к выводу, что собака в доме не была таким уж редким явлением. Полагаем, что запрет касался постоянного обитания собаки в доме, но ей позволялось заходить внутрь помещения с целью получить еду, поэтому ее место в доме – около стола, под столом: *Собака крох подстольных, а кошка пролитого молока ждет; Толкается, что собака на кухне*.

Отношения собаки и кошки в текстах малых фольклорных жанров упоминаются в связи с иронической характеристикой ссорящихся или испытывающих друг к другу неприязнь людей, см.: *Как кошка с собакой (дружны); И то бывает, что кошка собаку съедает* (тематическая группа «БАБА – ЖЕНЩИНА»). Кроме того, упоминание этих животных является устойчивой характеристикой бедного человека, см.: *Богат Мирошка, а животов – собака да кошка*. Причем интересно, что наличие конуры у собаки может расцениваться уже как признак относительной обеспеченности: *И псу конурка, и коту печурка*.

Собака и волк всегда показаны как враги, готовые уничтожить друг друга. Особенно опасен волк для собаки, см.: *Хватлива собака была, да волки съели; Не ступай, собака, на волчий след: оглянется, съест*. Но и собаки могут быть опасны для волка, если их много, см.: *Поджал хвост, что волк на псарне*.

Несмотря на то, что собака и волк происходят от общего предка, они, судя по пословицам и поговоркам, являются большими антагонистами, чем собака и кошка. Этот вывод можно проиллюстрировать следующими паремиями: *Волка на собак в помощь не зови (т. е. неприятеля на друга); Встарь, бывало, собака с волком жила [их сосуществование больше невозможно]; Кабы волк заодно с собакой, так бы человеку и жизнь не было*. Несовместимость собаки и волка отражена также в разговорной идиоме *ни волк ни пес*, приведенной В. И. Далем в ряду аналогичных выражений типа *ни рак ни рыба*.

Как видим, пословицы и поговорки могут рассматриваться в качестве исторического источника, точно и разносторонне отражающего многовековые наблюдения наших далеких предков за миром животных (не только домашних, но и диких). Провербальные тексты демонстрируют способность фольклорноносителей к обобщению накопленных сведений о собаке – ее внешнем облике, взаимоотношениях с человеком, поведении в стае, контактах с другими животными и др. – в форме кратких афористичных суждений. Не удивительно, что богатый опыт общения с собакой переносится на оценку качеств и поведения человека. На наш взгляд, метафоризация представлений о собаке, свидетельствующая о категоризации в традиционном русскоязычном сознании самого понятия *собака*, подтверждает правомерность интерпретации этого понятия как одного из концептов русской языковой картины мира.

Заключение

Представим основные выводы проведенного исследования:

1. В «Пословицах русского народа» В. И. Даля содержится около пятисот фольклорных текстов малого жанра (пословиц, поговорок, загадок, речений, примет), в которых упоминаются названия собаки (*собака, собачка, пес, кобель, щенок* и др.), ее повадки (*оскал зубов, виляние хвостом, лай, рычание* и др.) и связанные с ней предметы (*ошейник, конура, псарня, кнут, палка*). В совокупности эти тексты могут рассматриваться

как целостный паремиологический дискурс, отражающий коллективные представления о собаке, сформированные в русском языковом сознании на протяжении многовековой истории одомашнивания животного и взаимодействия с ним человека.

2. В ходе исследования выявлено, что образ собаки в фольклорных текстах малых жанров отражает три аспекта ее восприятия: 1) внешний облик и поведенческие особенности собаки как домашнего животного; 2) взаимоотношения собаки с человеком; 3) взаимоотношения собаки с другими животными.

3. Установлены следующие стереотипные представления о собаке, отражающие русское языковое сознание середины XIX века.

Во-первых, в восприятии фольклорносителей преобладают такие качества животного, как внешняя непривлекательность (дурной запах, нечистоплотность, блохастость), бездеятельность, агрессивность, злобность, прожорливость, глупость, склонность к подлости. Это свидетельствует о том, что в народных представлениях доминирует негативная оценка собаки. Позитивная оценка, зафиксированная лишь в небольшом количестве паремий, касается преимущественно утилитарной пользы собаки как охранника, охотника и в ряде случаев – предвестника изменений в погоде. В целом паремиологический дискурс иллюстрирует происхождение и подтверждает смысл идиоматических выражений *собачья жизнь* (тяжелая жизнь) и *собачья смерть* (смерть недостойного человека).

Во-вторых, в фольклорных текстах малого жанра репрезентируется отнюдь не доброе отношение человека к собаке: хозяин плохо ее кормит, бьет, не ухаживает за ней, хотя использует в своих целях. Проведенный анализ показал, что образ, сформированный в русском паремиологическом дискурсе и закрепленный в языке, весьма далек от современного стереотипизированного образа собаки как друга человека, получившего воплощение в русской культуре.

Наконец, сопоставление собаки с другими животными позволяет сделать вывод о том, что собака (в отличие от волка как ее видового предка) занимает свое определенное место в жизненном пространстве человека. В то же время на основании исследованного материала можно предположить, что в локусе дома собака, в отличие от кошки, находится на более низкой ступени иерархии домашних животных.

В заключение подчеркнем, что с течением времени, в процессе урбанизации, изменялись и функции собаки, и отношение к ней человека; ценность собаки в массовом сознании явно повышалась. Это свидетельствует о трансформации когнитивной структуры понятия *собака* в русской языковой картине мира. Исходя из вышесказанного, перспективы исследования связаны с необходимостью дальнейшего изучения дискурсивных реализаций этого понятия в разных речевых практиках. Так, представляется интересным сопоставить полученные данные с образом собаки, сформированным в русской художественной литературе первой половины XIX в. и в современной литературе, с характеристикой собаки в кинологическом дискурсе, а также в языковом сознании современных носителей русского языка.

Источники | References

1. Алефиренко Н. Ф. Когнитивно-прагматический дискурс русских пословиц: постановка проблемы // Оломоуцкие дни русистов: тр. XIX междунар. науч. конф. (г. Оломоуц, 30 августа – 1 сентября 2007 г.). Оломоуц, 2008. Т. XLVI. № 2.
2. Архангельская А. М. Собака как «нечистое» животное в традиционной народной культуре и языке // *Slavica Slovaca*. 2020. Vol. 55. No. 1.
3. Гура А. В. Символика кошки в славянской народной традиции // *Славянский альманах*. 2019. № 1-2.
4. Евдокимычева М. А. Некоторые обыденные представления в картине мира русской культуры: изучение на языковом материале // *Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова*. 2007. Т. 13. № 2.
5. Звездина Т. В., Новоселова Н. А. Социокультурный аспект реализации потенциала инвективного функционирования зоометафоры «собака/кобель» // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2017. № 12 (408). Филологические науки. Вып. 110.
6. Иванов А. А., Матиенко Т. Л., Эриашвили Н. Д. Становление службы полицейских собак в Российской империи // *Образование и право*. 2018. № 1.
7. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003.
8. Леонтьева Т. В. Идиома «собаку съесть»: семантико-мотивационная реконструкция // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. № 422.
9. Маругина Н. И. Концепт «Собака» как элемент русской языковой картины мира // *Язык и культура*. 2009. № 2 (6).
10. Мокиенко В. М. Народные устойчивые сравнения с названиями животных. Собака // *Studia Slavica. Savariensia*. 2003. № 1-2.
11. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ; Восток – Запад, 2007.
12. Успенский Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Успенский Б. А. *Избранные труды*: в 2-х т. М.: Гнозис, 1994. Т. 2. Язык и культура.
13. Olech K. Пословицы с компонентом «собака» и «кот» в современном русском языке. Лексико-семантический аспект // *Избранные вопросы перевода, литературы, паремиологии, когнитивистики и лингвистической прагматики*. Щецин – Грайфсвальд – СПб., 2021.

Информация об авторах | Author information

RU

Черемных Юлия Александровна¹

Шенкман Валентина Ильинична², к. филол. н.

¹ Пермский государственный национальный исследовательский университет

² Пермский национальный исследовательский политехнический университет

EN

Cheremnykh Yuliya Aleksandrovna¹

Shenkman Valentina Il'ichna², PhD

¹ Perm State University

² Perm National Research Polytechnic University

¹ cheremnyh.julia@yandex.ru, ² vishenk2003@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 02.02.2024; опубликовано online (published online): 13.03.2024.

Ключевые слова (keywords): русская языковая картина мира; русская паремиология; пословицы и поговорки о собаке; представления о собаке в русском языке; сборник В. И. Даля «Пословицы русского народа»; Russian linguistic worldview; Russian paremiology; proverbs and sayings about dogs; perception of the dog in the Russian language; V. I. Dal's collection "Proverbs of the Russian People".